К 76 7/284

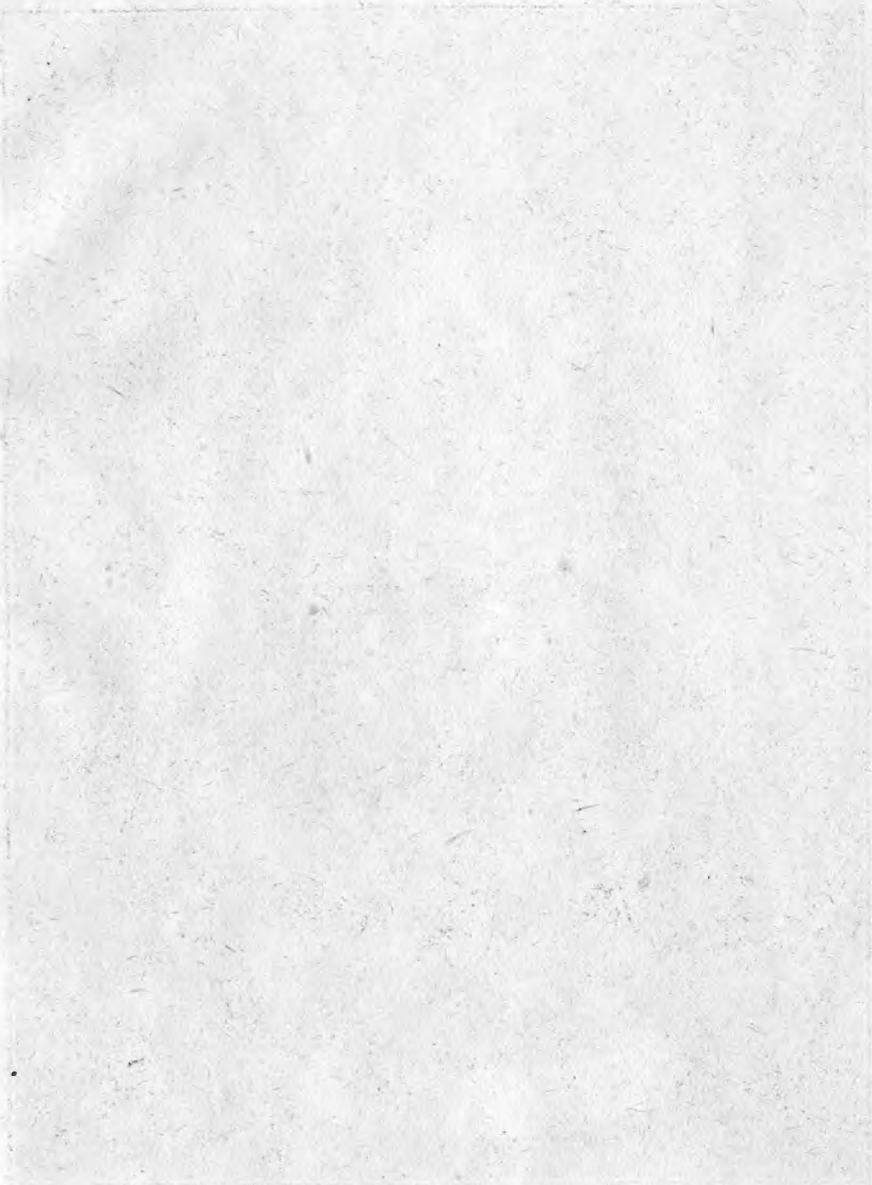
ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ

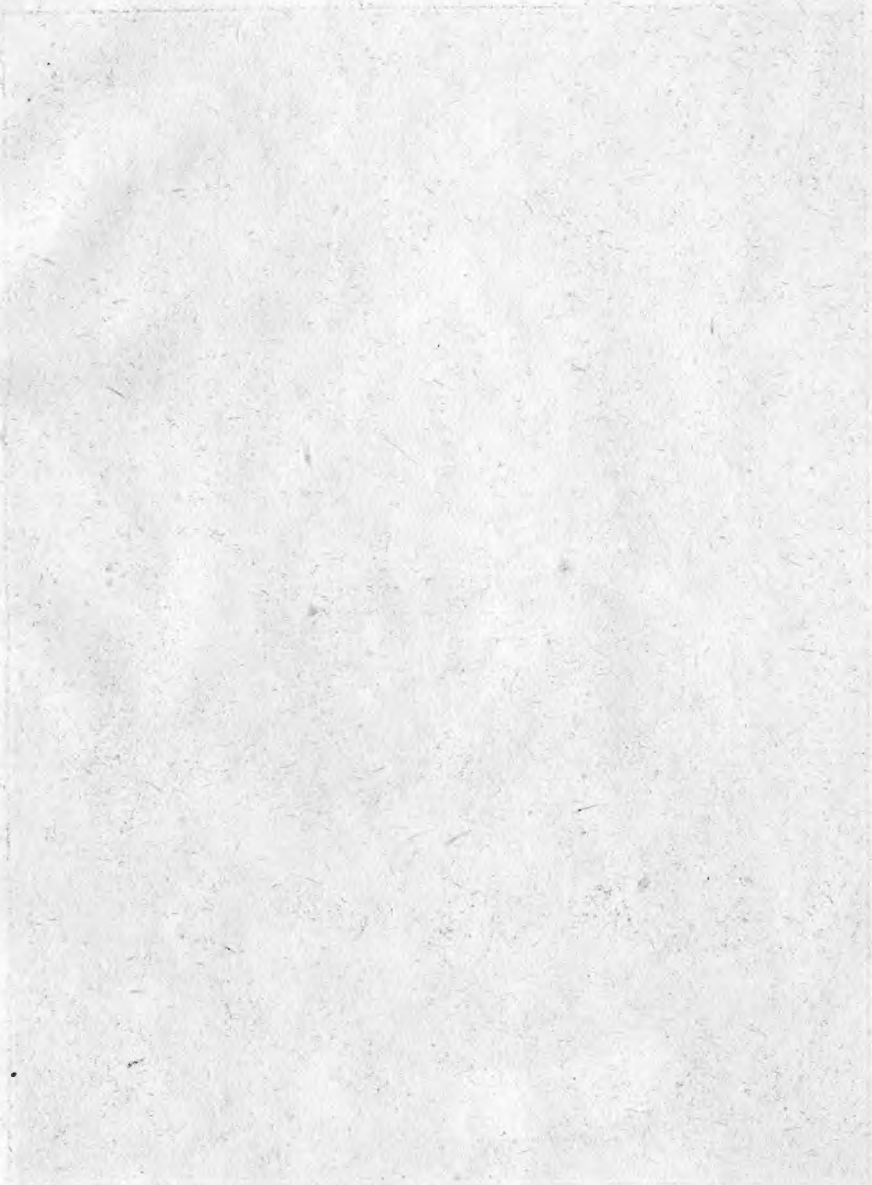
подъ Витебскомъ,

въ 1812 году.

В. М. Шаховскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изд. Ред. журн. «Чтеніе для Солдатъ».
1900





Генералъ-маіоръ
Иванъ Ефремовичъ
ЕФРЕМОВЪ.

2763

К 76 7/284

ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ

132

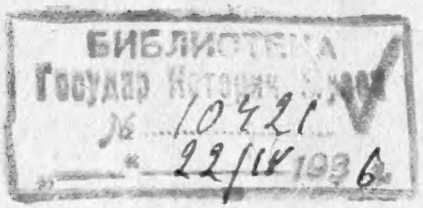
подъ Витебскомъ,

въ 1812 году.

В. М. Шаховскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изд. Ред. журн. «Чтеніе для Солдатъ».
1900

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 октября 1900 года.



Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.

2763

Лейбъ-казаки подъ Витебскомъ

въ ночь съ 15 на 16 іюля 1812 г.

Въ 1809 году почти всѣ государства Европы были во власти французскаго императора Наполеона Бонапарта. Онъ распоряжался въ нихъ самовластно, лишалъ нѣкоторыхъ государей престоловъ, сажалъ на ихъ мѣста своихъ маршаловъ и родичей и многія владѣнія присоединялъ къ Франціи. Съ этого года у него начались несогласія съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, которыя привели въ 1812 году къ разрыву.

Придравшись къ пустымъ недоразумѣніямъ, Наполеонъ вторгнулся съ шестисотъ-тысячной арміей въ предѣлы нашего отечества и быстро двинулся впередъ, преслѣдуя наши арміи (I-ую Барклая-де-Толли и II-ую Багратіона) по направленію къ Москвѣ. Чрезъ мѣсяцъ, а именно 12-го іюля, авангардъ его появился у Бѣшенковичей

(верстахъ въ 80-ти отъ Витебска). Въ это время Барклай съ 80,000 занималъ позицію на лѣвой сторонѣ Двины, вдоль праваго берега рѣчки Лучесы. Багратіонъ же съ 40,000 былъ у Могилева. Положеніе ихъ было очень трудное, особенно перваго: имѣя противъ себя 200,000 французовъ, онъ долженъ былъ удерживаться до прибытія Багратіона. Отступить—значило пожертвовать II-й арміей. Дать бой—было немыслимо. Барклай рѣшилъ отбиваться до прибытія Багратіона передовыми частями. Арріергарды наши вели упорные бои 13-го, 14-го и 15-го іюля.

Въ послѣдній день особенно отличились представители «Тихаго Дона», славные Лейбъ-казаки. Они быстрымъ, лихимъ ударомъ смяли и уничтожили 16-й Конно-егерскій полкъ, почти двѣ стрѣлковыя роты и взяли батарею, около которой стоялъ самъ Наполеонъ, окруженный большой блестящей свитой. Въ одну минуту, на глазахъ французскаго императора, всѣ артиллеристы были переколоты полу-эскадрономъ донцевъ, а большинство пушекъ—сброшено въ оврагъ, гдѣ онѣ и были оставлены за невозможностью увезти ихъ, въ виду быстро подошедшей пѣхоты генерала Брусье, стоявшей въ полковыхъ каре за батареями.

Атака эта произвела такую тревогу вокругъ Наполеона, что онъ вынужденъ былъ остановить на нѣкоторое время наступленіе и приказалъ придвинуть кавалерію Нансути и пѣхоту Дельзона.

Начальникъ арріергарда, графъ Паленъ, видя явную невозможность долѣе удерживаться противъ столь превосходныхъ непріятельскихъ силъ, около четырехъ часовъ пополудни, двинулся въ замѣчательномъ порядкѣ къ берегамъ Лучесы, отбиваясь на всякой мало-мальски удобной мѣстности. Въ это время Барклай-де-Толли, получившій

извѣстіе о движеніи Багратіона на Смоленскъ, снялся съ позиціи и направилъ свою армію тремя колоннами къ Витебску и далѣе къ Порѣчью и къ Ліознѣ.

Подъ вечеръ графъ Паленъ перешелъ на правый берегъ Лучесы. Туда же послѣдовали за нимъ нѣсколько ротъ французскихъ егерей. Наполеонъ, имѣя такимъ образомъ во власти своей переправу черезъ Лучесу, приказалъ авангарду остановиться и началъ располагать корпуса въ боевой порядокъ для сраженія на другой день.

II.

Въ ночь съ 15-го на 16-е іюля, около 11 часовъ, звѣздное небо стало заволакиваться съ запада темными тучами... Повѣяло вѣткомъ... Лейбъ-казаки и Сумскіе гусары стояли въ тылу позиціи по Лучесѣ, въ резервѣ, около лазаретныхъ палатокъ, среди вытоптанной поляны, усѣянной пнями и кустарникомъ.

Въ большой французской палаткѣ, тускло освѣщенной коптѣвшимъ сальнымъ огаркомъ, сидѣлъ высокій сухощавый молодой генералъ-адъютантъ съ черными вьющимися волосами, подстриженными, по казачьему, въ кружокъ. Худое, длинное, съ орлинымъ носомъ, лицо его, обросшее короткою густою бородой, казалось суровымъ и сердитымъ. Раскуривая трубку, онъ порывисто теребилъ свои волосы и пристально смотрѣлъ своими черными блестящими глазами на полнаго воинственнаго и грознаго вида брюнета—полковника лейбъ-казачьяго полка, сидѣвшаго противъ него и разсказывавшаго подробности о взятіи непріятельской батареи. Это былъ командиръ лейбъ-казачьяго полка

графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ—симпатичнѣйшій представитель типа прямодушнаго лихого донца-рубаки.

У самаго почти входа въ палатку полулежалъ на коврѣ полный блондинъ съ добродушнымъ лицомъ, украшеннымъ длиннѣйшими густыми усами. На немъ былъ генеральскій мундиръ Сумскаго полка. Между нимъ и полковникомъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, статный и красивый ротмистръ въ флигель-адъютантскомъ казачьемъ мундирѣ. Загорѣлое, мужественное лицо его, черные, какъ смоль кудреватые волосы и жгучіе черные глаза дѣлали его похожимъ на сына дальняго юга.

Передъ Орловымъ-Денисовымъ, на разостланной буркѣ, стоялъ мѣдный чайникъ, металлическіе кружки, бутылка рому и тарелка съ ветчиной и хлѣбомъ.

— И ты, говоришь, видѣлъ его?—спросилъ графъ.

— Иванъ Орловъ и Василій Жмуринъ сказывали, ваше сіятельство, что онъ былъ отъ нихъ никакъ не далѣе, какъ въ двухстахъ шагахъ,—отвѣтилъ воинственный полковникъ.—Если-бы,—продолжалъ онъ,—пущено было на батарею еще эскадрона два на помощь, казаки бы того... смяли бы передовую пѣхоту Брусье и, того... захватили бы Бонапарта...

— Ахъ, какая досада!—воскликнулъ графъ, наморщивъ лобъ и теребя свои густые, вьющіеся волосы.—Какая обида! Вотъ бы ловкая-то штука была бы тогда! Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!.. Какая досада!..

— Да,—сказалъ, глубоко вздохнувъ, гусарскій генералъ—ужасно досадно, что не послали сразу весь мой полкъ...

Въ это время вдали, въ сторонѣ непріятельской, что-то застучало глухо и неясно. Всѣ въ недоумѣніи взгля-

нули другъ на друга. Командиръ Сумскаго полка приподнялся, высунулся изъ палатки и посмотрѣлъ на небо.

— Опять, кажется, будетъ сегодня гроза,—произнесъ онъ досадливымъ тономъ.—Ну, и лѣто же въ этомъ году! Это чортъ знаетъ что такое!.. Замѣчательно! Чуть не ежедневно грозы и бури...

Ударъ повторился ближе и явственнѣе.

— Выяснилъ ты,—обратился графъ къ полковнику,—какъ велики наши потери?

— Убито, ваше сіятельство, двадцать двѣ лошади, да три пристрѣлено уже тутъ... Остался на излѣченіи *только* жеребецъ Конькова... Ранены: штабъ-ротмистръ Мазуренко, поручикъ Каменовъ 3-й и Венедиктъ Коньковъ... Контужены сильно: Хрещатицкій и Секретевъ... Этихъ я съ мѣста боя отправилъ въ Смоленскъ...

— Объ офицерахъ знаю... Бѣдный Венедиктъ!.. Жаль его ужасно!.. Ужасно жаль!.. Что доктора говорятъ?

— Ничего еще неизвѣстно, ваше сіятельство... Скоро будутъ того... осматривать нашихъ раненыхъ... Можетъ и того еще... обойдется безъ ампутаціи!..

— Какъ? Что ты говоришь? До сей поры нашимъ не оказана помощь?.. Съ шести-то часовъ!.. Да что же ты-то молчишь, Иванъ Ефремовичъ?.. Вѣдь, я же тебя просилъ позаботиться...

— Ничего не могъ того... подѣлать, ваше сіятельство... Нашъ докторъ лежитъ безъ памяти съ утра... Чуть-ли не горячка у него... Другіе, полковые—всѣ заняты... Вездѣ, вѣдь, раненыхъ того... очень много... А въ походномъ госпиталѣ всего шесть докторовъ... Извольте сами того... взглянуть сколько страдальцевъ лежатъ въ палаткахъ... И всѣ они того... доставлены раньше насъ...

Я и просилъ, и умолялъ, и того... и требовалъ, и кричалъ, грозился, но ничего, того... не добился... «Ждите говорятъ: того... очереди».

— Но, узналъ ли ты, по крайней мѣрѣ, когда же ихъ осмотрятъ?

— Старшій врачъ сказалъ, ваше сіятельство, что еще того... около часу надо подождать...

— Это же чортъ знаетъ, что за порядки!—воскликнулъ съ сердцемъ графъ.—Посылаютъ отрядъ на вѣрную гибель и не позаботятся о томъ, чтобы облегчить страданія несчастныхъ раненыхъ... Только шесть докторовъ при отрядномъ лазаретѣ!.. Это на двадцати-то тысячный отрядъ!.. Это безобразіе!.. И при этомъ еще нѣтъ даже священниковъ!.. По чьему-то распоряженію они остались съ обозами при арміи... Несчастные умираютъ безъ исповѣди и Святаго Причастія. Чортъ знаетъ, что за порядки!.. И ничего, вѣдь, не знаешь, что дѣлается!.. Отступила армія, а куда неизвѣстно... Стоитъ ли она за Витебскомъ, или дальше,—Богъ ее знаетъ... А быть можетъ, и ушла уже къ Смоленску.

— Совершенно въ такомъ же положеніи былъ въ пятомъ году отрядъ Багратіона у Шенграбена,—сказалъ флигель-адъютантъ.

Вдали опять раздался глухой стукъ и гулъ...

По полотнищамъ палатки застучали крупныя дождевыя капли... Вдругъ что-то точно треснуло и обломилось вблизи... Графъ набожно перекрестился. Его примѣру послѣдовали и остальные. Страшный ударъ повторился совсѣмъ близко... Дождь полилъ ливнемъ...

— А сколько раненыхъ казаковъ?—спросилъ Орловъ-Денисовъ.

— Ѣще, ваше сіятельство, не того... еще точно неизвѣстно... Раненъ тяжело казакъ Ажогинъ... Должно быть того... умретъ... Я приказалъ...

— Это мнѣ нравится!—сказалъ сердито графъ,—число раненыхъ до сихъ поръ не выяснено... Да что же это такое, другъ мой, Иванъ Ефремовичъ?.. Что же ты-то...

— Совершенно даже напрасно изволите того... гнѣваться на меня, ваше сіятельство!—отвѣтилъ рѣзко обиженнымъ тономъ Иванъ Ефремовичъ,—вамъ кажется, того... не безызвѣстно, что наши станичники того... скрываютъ *свои раны*, потому что того... смерть боятся лазарета... А вы... того...

— Ты правъ, другъ мой... правъ... Прости меня... Не сердись, дорогой, и не суди меня сегодня строго. Я такъ огорченъ потерей Денисова и Чиркова... На моихъ глазахъ эти герои пали съ прорубленными головами... Оба бросились за мной и защитили меня въ тотъ моментъ, когда я лежалъ подъ подыхавшимъ Барсомъ и когда уже нѣсколько сабельныхъ клинковъ сверкнуло надъ моей головой... А!.. ужасно!—воскликнулъ графъ и закрылъ лицо руками.—Ужасная... страшная картина... Страшная смерть ихъ...

Между тѣмъ гулъ, шумъ и трескъ все время не умолкали. Вдругъ вѣтеръ рванулъ палатку съ страшной силой и крупный градъ забарабанилъ по полотнищамъ ея.

«Святъ-святъ-святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея»—послышался старческій голосъ вблизи палатки.

Иванъ Ефремовичъ вздрогнулъ, насупилъ брови и насторожилъ ухо.

«Странно!—сказалъ онъ про себя.—Точно его голосъ... Нѣтъ это мнѣ, должно, померещилось».

— Что ты говоришь, Иванъ Ефремовичъ?—спросилъ графъ.

— Ничего, ваше сіятельство... Это я такъ, того... про себя...

— А сколько погибшихъ?—обратился опять Орловъ-Денисовъ къ Ивану Ефремовичу, послѣ минутнаго молчанія.

— У Черноморцевъ убито трое, а у насъ десять казаковъ и унтеръ-офицеръ Кулешовъ... Да еще четыре казака пропали... Лазаревъ видѣлъ, какъ ихъ того... окружили французы... Должно быть того... въ плѣнъ попались...

— Въ плѣнъ? Боже, какой позоръ!.. Кто же пропалъ?..

— Мавринъ, Александровъ, Болдыревъ и... и... Тарасовъ...

— Какъ?..—вскрикнулъ графъ.—Что ты сказалъ? Тарасовъ? Тарасовъ въ плѣну?..

— Такъ точно, ваше сіятельство... Лазаревъ видѣлъ какъ ихъ того...

— Ай-яй-яй-яй-яй! Иванъ Тарасьевичъ въ плѣну! Боже мой!.. Боже мой! Бѣдный старикъ... О какая потеря...

— Не извольте такъ того... убиваться, ваше сіятельство,—сказалъ Иванъ Ефремовичъ,—Тарасовъ не таковскій старикъ, чтобы того... Извернется безпремѣнно...

— Какъ не убиваться, другъ мой!—воскликнулъ графъ рыдающимъ голосомъ.—Что ты говоришь?.. Точно ты не знаешь, насколько дорогъ мнѣ этотъ человѣкъ...

Вѣдь, я люблю его какъ самаго близкаго родного!.. Я привыкъ къ нему съ дѣтства... Еще въ походѣ съ отцомъ, когда мнѣ не было еще и двѣнадцати лѣтъ, онъ берегъ меня, какъ добрая нянька. Сколько разъ онъ спасалъ меня отъ неминуемой гибели... Вспомни Гутштадтъ!.. Вѣдь, если бы не онъ, меня искрошили бы въ куски... На твоихъ же глазахъ это было... А Фридландъ?.. А Бейльсбергъ?.. Ахъ! какое горе... какое горе!.. Что дѣлать?.. Что дѣлать?—сказалъ графъ голосомъ, полнымъ отчаянія и на глазахъ его показались слезы.—Иванъ Ефремовичъ!.. Голубчикъ!.. Да помоги же!.. Научи, родной, что сдѣлать, чтобы вырвать старика и товарищей его изъ рукъ французовъ? Я ничего не пожалѣю...

Въ этотъ моментъ ослѣпительная молнія, блеснувъ зигзагомъ, на одно мгновеніе освѣтила палатку и стоявшую близъ входа въ нее, дрожавшую, старческую фигуру человѣка, съ непокрытой, всклокоченной, мокрой головой, одѣтую только въ бѣлую рубашку, которая, плотно облегая все тѣло, обрисовывала старческіе худые члены. Раздавшійся сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ надъ самой палаткой ужасный трескъ и грохотъ, заглушилъ голосъ графа, вскрикнувшаго въ ужасѣ и вскочившаго на ноги.

Да и было отчего придти въ ужасъ: страшный старикъ, еле державшійся на ногахъ, блѣдный, изуродованный синяками и кровоподтеками, съ помутившимися, полными слезъ, глазами и вытянутой впередъ правой рукой, показался всѣмъ, находившимся въ палаткѣ, пришельцемъ съ того свѣта.

— Что это? Кто тамъ?—закричалъ снова графъ, не двигаясь съ мѣста.

Старикъ, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ, падавшимъ

на него изъ палатки, тихо, покачиваясь, словно привидѣніе, приближался ко входу въ нее.

— Кто ты такой? Я тебя спрашиваю?

— Это я,—батюшка, ваше сіятельство... отецъ нашъ родной... это я,—послышался знакомый голосъ общаго полкового любимца, старика Тарасова.

— Иванъ Тарасьевичъ!—радостно вскрикнулъ графъ и бросился къ нему. Голубчикъ ты мой!

Онъ обнялъ старика и расцѣловалъ его. Бѣдняга, рыдая, припалъ къ плечу графа.

— А мы, вотъ, только что говорили о тебѣ и горевали, не зная какъ выручить тебя и твоихъ славныхъ товарищей... А вотъ, ты и самъ...

— Знаю, батюшка, ваше сіятельство... знаю,—говорилъ сквозь слезы добрый старикъ, цѣлуя графа въ плечо.—Знаю, ваше сіятельство... Я тутъ давно маячу около палатки... Все никакъ не могъ осмѣлиться предстать предъ вашимъ сіятельствомъ въ такомъ одѣяніи... Мы издали еще, какъ подходили къ биваку полка, услыхали вашъ голосъ... Я оставилъ товарищей около лазаретной палатки, а самъ и пошелъ сюда на вашъ голосъ... И только что подошелъ къ вашей палаткѣ, какъ и услыхалъ, что вы горюете обо мнѣ... Меня ажъ слеза прошибла... Спасибо вамъ, ваше сіятельство, за вашу любовь и ласку къ намъ...

Орловъ-Денисовъ еще разъ обнялъ старика, расцѣловалъ его и ввелъ въ палатку.

— Иванъ Ефремовичъ,—сказалъ онъ,—позаботься, родной мой, чтобы одѣть Ивана Тарасьевича и товарищей его во что нибудь... Я думаю, что найдется у насъ запасное платье?..

— Навѣрно найдется, ваше сіятельство,—отвѣтилъ полковникъ, направляясь къ выходу.

— Да справься: скоро-ли будетъ готова могила,—крикнулъ вслѣдъ ему графъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!—послышался отвѣтъ полковника за палаткой.—Должно быть скоро: копаютъ уже два часа...

— Но въ какомъ ты видѣ, бѣдный мой старикъ!—обратился графъ къ Тарасову.—Въ одной рубашкѣ... Лицо разбито... Разскажи, что съ тобою произошло... Какъ ты вырвался съ товарищами отъ французовъ? А сперва... вотъ... вотъ выпей-ка стаканчикъ рому... да закуси, а потомъ чайку... Садись... садись вотъ тутъ... на бурку, да закройся моимъ плащемъ... Сейчасъ принесутъ тебѣ платье... Одѣнешься, согрѣешься и будешь опять у меня молодцомъ.

Бѣдный старикъ, конфузясь, съ трудомъ опустился, при помощи графа и флигель-адъютанта на бурку, закутался въ генералъ-адъютантскій плащъ и, осѣнивъ себя большимъ крестомъ,—выпилъ поданную ему командиромъ Сумскаго полка большую чарку рому.

Крякнувъ и закусивъ кускомъ ветчины, онъ началъ свой разсказъ:

— Ворвались мы, батюшка, ваше сіятельство, на эту самую горластую батарею, да и принялись крошить ихъ, окаянныхъ... Глянулъ я какъ-то ненарокомъ въ таю сторону, да такъ и обомлѣлъ: силища ихъ идетъ на насъ страшенная... Видимо—не видимо... И пѣхота и кавалерія и антирлерія даже видна сзади... Что тутъ дѣлать?.. Отберутъ, думаю, назадъ у насъ пушки... безпримѣнно отберутъ... Сваливай, кричу, ребята, пушки въ оврагъ,

чтобы никому не доставались... Оттеля не вытащутъ. Ну, какъ услыхали казаки мой голосъ, заразъ и принялись валить... Эхъ! думаю: хорошо-бы хоть для видимости, одну увезти съ собой... Ловко-бы было!.. Гляжу: мои односумы возятся у крайней... Кричу имъ: берите арканы, да при-

2763

вязывайте какъ я училъ... Увеземъ!.. А пѣхота ужъ-во!.. подъ самымъ носомъ... Эхъ, думаю: не успѣемъ... Ну, одначе, стали вязать... Принялся и я помогать... Вдругъ, слышу сбоку крикъ!.. Обернулся я и вижу: лежитъ у пушки нашъ храбрый корнетъ Коньковъ I-ый, а изъ руки его правой кровь такъ и хлещетъ... А около него стоятъ на коняхъ братецъ ихній Емельянъ и штабсъ-ротмистръ Жмуринъ и все силятся его на сѣдло къ братцу под-

нятъ... Подбѣжалъ я къ нимъ... Вижу: корнетъ нашъ, сердечный, еле дышетъ... «Пособи, говоритъ мнѣ штабсъ-ротмистръ, поднять его, Иванъ Тарасьевичъ, да, гони, говоритъ, нашихъ назадъ, а то тутъ занапрасно пропадемъ... Что, говоритъ, можно было, то сдѣлали; а теперь пора и къ своимъ..» Помогъ я поднять корнета да и бросился къ односумамъ... А тамъ, ваше сіятельство, за это время, покеля я съ корнетомъ возжался, такое произошло, что я и распознать сразу ничего не могъ... Нашихъ уже никого не было видно... А тамъ, гдѣ односумы мои были, какая-то свалка идетъ... ничего и не разберешь... Приглядѣлся я и вижу, что Маврина, Александрова и Болдырева вяжутъ французы... Загорѣлось у меня ретивое!.. Гикнулъ я, да и бросился туда!.. Полоснулъ я тутъ двухъ-трехъ и ослобонилъ уже Болдырева, какъ какой-то окаянный подскочилъ сбоку, да какъ свиснетъ меня прикладомъ, да прямо по башкѣ!.. Такъ у меня искры изъ глазъ и посыпались.—Вотъ тутъ-то они, проклятые, и навалились на меня... да и связали по рукамъ и ногамъ... Пришелъ я въ себя малость... оглядѣлся по сторонамъ... Смотрю: рядомъ со мной и мои товарищи связанными лежатъ... А наши ужъ давно ускакали къ вамъ, ваше сіятельство... Ну, тутъ въ скорости прибѣжалъ какой-сь-то ихній офицеришка и что-то загомонилъ по своему... Заразъ развязали это намъ ноги, да и погнали внизъ къ оврагу... А оврагъ-то, вижу, почти до верху весь заваленъ пушками, лошадьми и солдатами... Только небольшія такъ кучки стрѣлковъ стояли около него..., остаточки, значитъ... Ну, тутъ-то порадовался я... Думаю: здорово-же наши ихъ отдѣлали... Егеря, почитай, что всѣ полегли въ оврагѣ... Только что мы, значитъ, спустились,

смотримъ: самъ Паліонтій подъѣзжаетъ къ своимъ стрѣлкамъ... А тѣ все еще пострѣливали, хоть наши уже бросили ихъ и собирались въ кучу около насъ... Я его, ваше сіятельство, сразу призналъ... Еще издаля... Онъ совсѣмъ и не смѣнился даже съ той поры, какъ замиреніе было у Тильзитѣ... на водѣ-то... на Нѣманѣ... Все такой-же... Все въ томъ же сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, какъ и у Хридланда былъ... Совсѣмъ не смѣнился... Только рожа у его малость, будто, распухла... ожирѣлъ значитъ... Да пузо отростилъ... Ну похвалилъ онъ, какъ видно, своихъ стрѣлковъ за что-то, потому они, какъ онъ имъ что-то сказалъ, заразъ загалдѣли: «вивъ ланпреръ!» А тутъ и насъ подвели къ ему. Ну, хорошо... Поглядѣлъ, поглядѣлъ онъ на насъ... Все больше на меня смотрѣлъ... Ничего себѣ, не сердито... Ухмыльнулся даже и что-то сказалъ... Тутъ сейчасъ откеля ни возьмись, подвернулся какой-то, — по формѣ, будто французъ, а должно быть, что бѣглый полячишка... Хлопнулъ меня, окаянный, по плечу, да и спрашиваетъ, знаю-ли я передъ кѣмъ стою... Какъ, говорю, не знать... Знаю... Видалъ, говорю, я его, дьявола, и раньше у Тильзита... Заразъ загомонѣли они чтось-то промежъ себя съ Паліонтіемъ... Посмотрѣлъ онъ... Паліонтій-то... на меня, ухмыльнулся... да какъ крикнетъ по нашему: «Ви молодци!» Думалъ, видно, что мы гаркнемъ: «рады стараться!» А мы ни гу-гу!.. Ну, тутъ опять они что-то покричали— покричали, а потомъ полячишка и спрашиваетъ меня: Кто, говоритъ, побилъ нашихъ егерей? Кто командиромъ, значитъ, былъ?.. «Побилъ, говорю, вашихъ егерей нашъ командиръ, Генералъ-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, его сіятельство графъ Орловъ-Денисовъ... А бата-

рею, говорю, искрошилъ всего только полуэскадронъ полковника Ефремова... Опосля этого, что-то Палеонтій сказалъ одному свому генералу... И заразъ это къ намъ подбѣжали солдатишки ихніе и ослобонили намъ руки. Тутъ опять этотъ полячишка говоритъ намъ: «кланяйтесь, дьяволы, императору въ ноги и цѣлуйте руку: за вашу, говоритъ, храбрость онъ приказалъ развязать васъ и накормить..» Покорно благодаримъ, говорю я, за такую къ намъ милость, а только ужъ не взыщите: кланяться чужому царю, да еще цѣловать руку не станемъ, хоть сейчасъ рѣжьте насъ на куски... Не знаю ужъ, передалъ ли полячишка *это Палеонтію*, или нѣтъ, а только онъ... Палеонтій-то... посмотрѣлъ на меня, кивнулъ намъ головой и поѣхалъ дальше... Тутъ заразъ битва опять загорѣлась... На нашихъ глазахъ ихняя пѣхота двинулась супротивъ васъ, ваше сіятельство... Шибко и лихо шли дьяволы и все кричали: «вивъ ланпреръ!»... Ну, и ловко же вы ихъ, батюшка, ваше сіятельство, жиганули... Намъ оттеля усе было видно, какъ на ладони... Ловко отжарили!.. Сердце радовалось, глядя издаля на нашихъ молодцевъ... Ну, потомъ, какъ стала битва затихать, погнали насъ влѣво къ Двинѣ. Пришли мы къ биваку, значитъ, какого-то полка... Тамъ уже ихніе солдатишки сидѣли у котловъ и жрали что-сь то... Посадили и насъ... Дали ложки... Манже... манже, мусье, говорятъ намъ... Ну, поняли мы, что, значитъ, приглашаютъ и насъ похлебать... Зачерпнулъ я, ваше сіятельство, ложкой изъ котла, подулъ, хлебнулъ малость... да и выплюнулъ... А французы, глядючи на меня, такъ и прыснули со смѣху... Бонъ!... Бонъ!... говорятъ мнѣ: манже!... манже!... мусье.—Нѣтъ ужъ, говорю, покорно благодаримъ за угощеніе... Кушайте сами на до-

брое здоровье... А мы такой мерзости и отродясь-то не ѣдали... А ужъ чего, говорю, не пришлось испытать... Въ какихъ, говорю, походахъ ни бывалъ, а такой паршивой похлебки не пробовалъ... Ни соли въ ней, ни корешка никакого, ни крупицы... А только куски конины... Да чуть-ли даже не отъ дохлаго коня... Тьфу! мерзость какая! И по сейчасъ какъ вспомню, такъ, вѣрите-ли, батюшка, ваше сіятельство, такъ все нутро и воротитъ.—А они, знай себѣ, жрутъ, облизываются, да ухмыляются, поглядывая на насъ... Такъ никто и не сталъ изъ насъ ѣсть... Сидѣли это мы... сидѣли, а я все и думаю: какъ-бы это намъ удрать отъ нихъ? Думалъ я... думалъ, да и надумалъ... Хотѣлъ было уже товарищамъ сказать объ этомъ... Да, видно, Господь Богъ хранилъ: воздержался... А то какъ разъ бы влопался... Что-же вы думаете, батюшка, ваше сіятельство?... Только что это я, значитъ, подумалъ, что надо повременить малость товарищамъ-то говорить, какъ вдругъ французы, глядя на насъ и переговариваясь промежъ себя, опять какъ загогочутъ... какъ загогочутъ!.. Ну, тутъ ужъ я не сдержался... злость меня взяла страшенная... Вскочилъ, это, я на ноги, да какъ гаркну на нихъ: Ахъ вы, идоловы образины! Цыцъ, вы, окаянные нехристи! Я вамъ покажу, какъ смѣяться надъ храбрыми донскими казаками... Я васъ поучу!... Только что это я сказалъ, какъ одинъ изъ нихъ вдругъ тоже поднялся, да и говоритъ... Да говоритъ-то совсѣмъ какъ настоящій русскій... Тоже, должно, изъ поляковъ... А ты, говоритъ, не лайся, а то плохо будетъ. Мы, говоритъ, не нехристи и не окаянные, какъ ты насъ обозвалъ... А смѣемся мы потому, что народъ ужъ мы такой веселый... Не то, что вы, говоритъ... Смотрите, словно звѣри дикіе... Вотъ намъ

приходится, говоритъ, одной дохлой кониной кормиться, безъ хлѣба даже и безъ соли, а намъ, вишь, и горя мало... Посмѣиваемся себѣ, хоть и очень тяжко... Ой, какъ тяжко, говоритъ... И отощали, говоритъ, и измучились и ободрались дюже... Многіе, говоритъ, солдатики наши еле ноги передвигаютъ: такъ одной почти кровью и несетъ ихъ... Вотъ, говоритъ, гвардіи куда легче: объ ней оченно дюже заботится самъ Паліонтій... Ну, а намъ, говоритъ, плоховато... Ну, да ничего, говоритъ; завтра пообѣдаемъ въ Витебскѣ, да и пойдемъ у Смоленскъ... А оттеля въ Москву... Тамъ ужъ мы вволю пожремъ, отдохнемъ, всякаго добра наберемъ, да половину Россіи заставимъ вашего царя намъ отдать... А васъ, говоритъ, въ Сибирь погонимъ... Закипѣло у меня, ваше сіятельство, ретивое, какъ услыхалъ я это отъ окаяннаго полячишки про Царя Батюшку, да про Матушку Россію... Больно ужъ обидно показалось... Не стерпѣлъ я... И не помню даже какъ ето приключилось... А только гляжу: полячишка уже лежитъ, а кровьто у него такъ фонталомъ изъ носу и изъ горла!... такъ и бьетъ... такъ и бьетъ!... А онъ ужъ корчится и словно змѣя извивается... Батюшки мои, что тутъ такое приключилось! Я ужъ и самъ не помню хорошо... Помню только что было въ самомъ началѣ, какъ товарищи того полячишки бросились на насъ... Вразъ мы ихъ прикончили ваше сіятельство, хоть ихъ и было шесть душъ... Одинъ Мавринъ двухъ до разу, однимъ махомъ кулачищемъ ухлопалъ... Хотѣли ужъ мы, какъ управились съ ними, на утекъ къ Двинѣ пуститься... Близехонько до нея... Да не тутъ-то было: цѣлый почитай, взводъ, а можетъ и поболѣ того, наскочилъ на насъ и съ таей и съ ентой стороны, да и принялись насъ тузить... Тутъ вотъ и

скулу-то мнѣ раскровянили... Ну, одначе, мы, ваше сіятельство, и тутъ не посрамились: пощады не просили, а бились до послѣдняго издыханія... Совсѣмъ бы намъ конецъ былъ, да на счастье наше тутъ, откеля ни возьмись, прибѣжали ихніе офицерія и розняли насъ... Болдырева бѣднаго вытащили изъ кучи мертвыхъ и раненыхъ французовъ еле живымъ... Ну, заразъ разборъ дѣла начался... Зачали офицерья допрашивать своихъ солдатъ... Чѣмъ бы все это прикончилось, Богъ вѣсть... Галдѣли, галдѣли они что-сь то... Чертъ ихъ знаетъ что... Только вдругъ слышимъ крики: вивъ ланпреръ! Глядимъ, самъ Палеонтій скачетъ на соловомъ конѣ, а за нимъ все генералы, да офицерья... А почти что рядомъ съ нимъ, видимъ, тотъ пестрый пѣтухъ, что у Хридланда и у Тильзита за нами все гонялся... Мурадомъ, кажись, онъ прозывается... Какъ увидали ето французы Паліонтія, такъ сейчасъ побѣжали на свои мѣста и насъ съ собою погнали... Бѣгутъ ето и все кричатъ «вивъ ланпреръ!» Поѣздилъ,—поѣздилъ тутъ по близости Палеонтій; все какъ видно, распоряженія отдавалъ... войска свои разставлялъ... А потомъ и ускакалъ назадъ... Ну, опосля того насъ уже больше не замали... Точно ничего промежъ насъ и не было... Сидимъ мы себѣ у костра, поглядываемъ другъ на дружку; а у меня такъ въ башкѣ и вертится: какъ-бы это сдѣлать то, что я раньше задумалъ... какъ-бы удрать? А около насъ сидятъ ихнихъ десять солдатъ съ ружьями, а при нихъ и унтеръ старый длинноусый... бородка козелкомъ... Сидитъ этотъ самый унтеръ, покуриваетъ трубочку и все что-то вздыхаетъ, да, нѣтъ-нѣтъ, все за животъ хватается... Э! думаю: да ты, милый человѣкъ, никакъ жрать хочешь... Сейчасъ спытаю... Обож-

далъ я маленько; а какъ стало солнышко прятаться, я взялъ, да и вытащилъ изъ кармана грудку сухарей, что про запасъ были у меня... Подѣлился съ товарищами и зачали мы ихъ грызть, да изъ манерки водицей запивать... Что-же вы думаете?... Не успѣлъ я и сухаря одного съѣсть, какъ вдругъ нашъ унтеръ бросилъ трубку, плюнулъ и такъ-то тяжко вздохнулъ, что, вѣрите-ли, ваше сіятельство, ажъ жалко его стало... Вижу, что дюже ему русскаго сухарика захотѣлось... Что? говорю я ему: не хочешь-ли, братъ мусью, сухарика? Досталъ я изъ кармана еще грудку и протягаю ему... Манже, говорю, манже... Схватилъ онъ, ваше сіятельство, эти сухари, пожалъ мнѣ руку, да и принялся ихъ уплетать... Видно было, что бѣдняга нѣсколько день не жралъ ничего... Какъ увидѣли это товарищи мои, что я французу сухарей то далъ, какъ накинутся всѣ на меня... Да что это ты, говорятъ, дѣлаешь, Иванъ Тарасовичъ? Нехристю отдаешь послѣдніе сухари?... А самъ-то съ чѣмъ-же останешься?... Ничего, говорю: помалкивайте... Богъ не безъ милости, говорю... Онъ, говорю, хоть и нехристь, а все же человѣкъ... А, какъ самъ, говорятъ, отощаешь, да заболѣешь, что мы тады безъ тебя будемъ дѣлать? На тебя, вѣдь, говорятъ, вся и надежда у насъ... Ничего, говорю: не бойтесь... выкрутимся... Я васъ, покеля живъ, не брошу... не бойтесь!... Ну, хорошо... Подкрѣпился унтеръ, запилъ водой, закурилъ трубку и мнѣ кисетъ съ табакомъ протянулъ... Дружба, значитъ, у насъ съ нимъ... Выкурилъ я трубочку, да и говорю ему: а что, милый человѣкъ, нельзя-ли намъ малость погулять; а то ноги больно ноютъ?... Говорю ето я ему и знаками стараюсь пояснить, чего мы просимъ... Должно, понялъ: заразъ всталъ и пошелъ къ

палаткѣ, гдѣ ихніе офицерья сидѣли. Немного погодя вернулся онъ и говоритъ: Але! але! Пойдемте, говорю, ребятушки... Встали мы и пошли прямо къ Двинѣ. Болдыревъ идетъ, бѣдняга, и шатается... Ужъ дюже здорово его зашибли въ дракѣ и руку повредили... Отошли мы етакъ не болѣе ста шаговъ, какъ слышимъ кричатъ намъ: атанде! атанде!... Обернулся я: шесть солдатъ за нами съ ружьями бѣгуть... Конвой, значитъ, назначили... Ну, покеля они до насъ бѣжали, я и успѣлъ пересказать товарищамъ, что я задумалъ... Дойдемъ, говорю, до берега, разойдемся врознь, побродимъ-побродимъ маленько, да по моему свистку и бросимся до разу въ рѣку... Только, говорю, ребята, плыви на таю сторону, держась подалѣ другъ отъ друга, да почаще ныряй... Отдадимся, говорю, на волю Божью... Лучше, говорю, принять смерть въ Двинѣ, чѣмъ оставаться въ рукахъ враговъ... Позорно ужъ больно намъ, казакамъ, въ плѣну быть... Обрадовались товарищи страсть какъ... И молодецъ-же ты, говорятъ, дѣдушка Иванъ Тарасьевичъ... Безъ тебя бы, говорятъ, мы никогда не додумались-бы до этого... Ну, хорошо... Только, говорю: боюсь я за Болдырева... Ужъ больно ослабъ ты, говорю, родимый... Ничего, говоритъ: дѣдушка... какъ нибудь доплыву... Держись, говорю, ему, поближе ко мнѣ, а въ случаѣ силъ не хватитъ, дай голосомъ знать... Я помогу... Ну, хорошо... Подошли мы къ берегу... Прогуливаемся, поглядываемъ по сторонамъ... А круча, я вамъ доложу, батюшка, ваше сіятельство, страсть какая!.. Ажъ смотрѣть страшно внизъ... Прямо таки обрывъ,—какъ есть... А вода тамъ внизу такъ и бурлитъ... такъ и бурлитъ... Жутко показалось туда бросаться... Ой! какъ жутко!... А дѣлать нечего... Бросаться надо... Ну, хорошо... Подо-

шли къ самому берегу и конвойные... Посмотрѣли какой обрывъ, промежъ себя что-то поговорили, засмѣялись, поглядѣвъ на насъ, да и отошли етакъ шаговъ на тридцать, къ деревьямъ... и разсѣлись... Сидятъ они, покуриваютъ, а на насъ и не смотрятъ даже... Слышу, вдругъ, что-то заспорили они... Ну, думаю, теперь въ самый разъ намъ бросаться въ воду... Раздумывать, думаю, нечего... Перекрестился я, свистнулъ, да и былъ таковъ... Вынырнулъ я малость опосля, оглядѣлся... Вижу: Мавринъ и Александровъ врознь плывутъ далече отъ меня, а Болдыревъ сзади меня такъ шагахъ въ двадцати держится... А французы, ваше сіятельство, такъ ошалѣли, что зачали стрѣлять, кады мы, почитай—что посреди уже Двины были... Пули такъ вотъ и забулькали коло насъ... Ну, тутъ мы сейчасъ принялись нырять, словно нырки-уточки... Вынырнулъ я во второй разъ и вдругъ, слышу, Болдыревъ сзади кричитъ: «Дѣдушка, родимый, помоги!... тону!»... Эко горе какое, думаю!... Надо звертаться: спасать малаго... Поплылъ я, ваше сіятельство, назадъ... И только сталъ ето до него доплывать... такъ шаговъ не болѣ пяти оставалось... какъ онъ крикнулъ что-то, взмахнулъ рукой и пошелъ ко дну... Вотъ горя я съ нимъ натерпѣлся... Насилу поймалъ его... Выволокъ!... А онъ, сердечный, совсѣмъ безъ чувствій... Совсѣмъ какъ покойникъ... Да, тяжелый такой... Бѣда, да и только... А, тутъ, какъ на грѣхъ, вѣтеръ страсть какой поднялси... Волна такъ и захлестываетъ... Пропали, думаю, наши головушки... пропали ни за понюхъ табаку два вѣрныхъ слуги у Царя Батюшки... И дѣ же выплыть?... Никакъ невозможно... Держу его лѣвой рукой, а правой кое-какъ работаю... совсѣмъ изъ силъ выбился... Смерть, думаю, пришла... Да

и смерть-то какая!.. А пули такъ вотъ и сыплются около меня. И вотъ, тутъ-то, батюшка, ваше сіятельство, скажу вамъ все равно какъ-бы отцу духовному, напало на меня искушеніе... Шастой десятокъ доживаю, а никогда со мной етаго не случалось... Ну, вотъ, ровно будто кто зашепталъ мнѣ въ ухо: «чего ты возишься съ нимъ? Брось! Его не спасешь, а самъ пропадешь: либо утонешь, либо пуля французская сразитъ тебя... Брось!... Вспомни: у тебя, вѣдь, въ Арпачинѣ жинка, внуки»... И понялъ я, ваше сіятельство, что ето, значитъ, самъ дьяволъ-искуситель вертится тутъ около, чтобы загубить мою душу... Нѣтъ, говорю, не поддамся я тебѣ... Не на того напалъ... Не погубить тебѣ храбраго донского казака... Средствіе отъ тебя, окаяннаго, знаемъ... И сталъ я молиться Милосердному Создателю, чтобы помогъ и научилъ, что мнѣ дѣлать. И только, что ето я кончилъ молиться, какъ вдругъ что-то меня здорово и больно ткнуло прямо въ правый бокъ... Глядь: агромадное бревно около меня... Бревно такое, что хоть пять человѣкъ выдержитъ... Ухватился я за него, кой-какъ, помаленьку втащилъ на него Болдырева, возблагодарилъ Господа Бога и поплылъ къ тому мѣсту, гдѣ уже Мавринъ и Александровъ поджидали меня. Такъ, ваше сіятельство, я и добрался до берега. —Заразъ принялись мы приводить Болдырева въ чувствіе... Взяли его за руки и за ноги и давай качать!... Качали-качали, покеля вода изъ нутра его не пошла назадъ. Открылъ онъ глаза, опомнился... Ухватилъ меня за шею, прижался къ груди моей, да какъ заплачетъ... какъ заплачетъ!.. Ажъ меня слеза проняла... Ну, говорю, ребятушки, возблагодаримъ же теперь Господа, да и пойдемъ по бережку до того самаго мѣста, гдѣ въ Двину Лучеса вливается... Такъ и сдѣ-

лали.—И такое намъ тутъ счастье Богъ послалъ... Около самаго того мѣста сложено бревенъ тьма тьмущая... Безъ нихъ намъ-бы и не добраться до полка... Берите, говорю, братцы мои, бревна... тащите въ рѣчку... А, зачѣмъ, говорятъ, дѣдушка? А затѣмъ, говорю: что безъ нихъ намъ и не переплыть опять Двину, потому, во-первыхъ,—вѣтренно... волна, да потому, что широка она дюже здѣсь; и опять же мы притомимшись... Болдыревъ никакъ, говорю, безъ бревна не переправится... Да, зачѣмъ, спрашиваютъ: плыть-то намъ опять? Ахъ, вы, чудаки, говорю, чудаки! Да затѣмъ, чтобы до своихъ добраться... Вѣдь, наши, говорю, за Лучесой стоять должны: тамъ и позиція и вся армія. Кады пѣсни спѣвали нонеча утромъ, я все прислушивался, что господа офицеры говорили... Вотъ и знаю... Ну, хорошо... Переплыли мы... Выбрались на берегъ, да и зашли въ какую-сь-то сторожку... Такъ по всему примѣтно, что рыбачья... Ну, говорю, ребятушки, давайте же теперь немного обогрѣемся, да обсушимся... А потомъ, благословясь, и пойдемъ дальше, своихъ искать... Ищи, говорю, Александровъ, дрова, да разводи въ печи огонь... Хорошо... Развели огонь... Поскидали мы съ себя все какъ есть и развѣсили... Сидимъ ето около печки только въ однѣхъ сорочкахъ... Отдыхаемъ... Сушимся... Грѣемся... Болдыревъ прилегъ на лежанкѣ... Постанываетъ, сердечный... Вдругъ, слышу, кубыть, топотъ... Заглянулъ я въ окно, да такъ и замеръ: шесть конныхъ французовъ остановились у сторожки и слѣзаютъ съ коней... Одинъ уже привязываетъ чумбуръ къ плетню... Думаю: насъ ищутъ... безпремѣнно зайдутъ у сторожку... Что тутъ дѣлать!... Бѣда!... Но Господь помогъ мнѣ и тутъ доразу смекнуть, что дѣлать.—За мной, говорю, дѣтушки! Бросили мы все,

да въ однѣхъ сорочкахъ и выскочили черезъ окно въ противную отъ французовъ сторону... Заразъ заховались въ махонькій сарайчикъ... Сижу я, дрожу и въ щелку заглядаю... Смотрю, идутъ французы въ сторожку... Раздумывать тутъ долго не приходилось: войдутъ, увидятъ наше платье около печи, сейчасъ догадаются и почнутъ искать насъ... Надо бѣжать!.. Вышли мы изъ сарайчика, оглядѣлись, да и кинулись въ лѣсъ... Ну, думаю: слава Богу... Кончились наши муки... Не тутъ-то было... Горя еще не мало было упереди... Пошли... Я за проводника... Товарищи за мной... Сначала шли ничего... бойко... Я такъ держу въ таю сторону, гдѣ, казалось мнѣ, должонъ отрядъ нашъ и вся армія стоять... Шли долго... Кажись-бы, пора и дойти... анъ нѣтъ!.. Не видать и не слыхать ничего... Все лѣсъ и лѣсъ... лѣсъ и болото... Сигаемъ ето мы съ пня на кочку, съ кочки на пень... Оступиться бѣда!.. Такъ и засосетъ тебя... и погибнешь ни за грошъ, безъ покаянія въ проклятой трясинѣ... Жутко стало... А тьма наступила тьмущая, хоть глазъ выколи... А потомъ и вѣтеръ поднялси, да такой, что такъ съ ногъ и сшибаетъ... Ну, идемъ кое-какъ... Вдругъ, слышу сзади крикъ: Дѣдушка! А дѣдушка! Что тамъ у васъ? спрашиваю. Да Болдыревъ, кричатъ, упалъ: не можетъ больше идтить... Вотъ горе-то мнѣ съ бѣднымъ малымъ... Что тутъ дѣлать? Я и самъ-то на ногахъ еле-еле держусь... Ну, одначе, вертаюсь... Смотрю, лежитъ, сердечный, къ пню прижалси и стонетъ... Что братъ? спрашиваю, аль не въ моготу больше идтить?.. А онъ и не отвѣчаетъ уже ничего... безъ памяти, значитъ... Что будемъ дѣлать, братчики? спрашиваю товарищей... Понесемъ его, что-ли? И дѣ же, говорятъ, дѣдушка, нести, кады мы сами-то не

могимъ больше идтить? Что тутъ дѣлать? Попробовалъ я его поднять, чтобы нести... Нѣтъ... не могъ... Силы совсѣмъ, вижу, лишился... Что дѣлать?.. Сталъ я на колѣнки и обратился опять къ Милосердному Создателю... Не успѣлъ я и молитвы моей окончить, какъ послышалось поблизости, кубыть, конь заржалъ, а потомъ и топотъ... А, вѣдь, это наши, кажись! кричитъ Александровъ. Да что ты? говорю, а самъ вижу и глазамъ своимъ не вѣрю: шагахъ такъ въ десяти-пятнадцати ѣдетъ нашъ разъѣздъ и упереди его штабсъ-ротмистръ Василій Матвѣевичъ Жмуринъ. И ѣдутъ они, какъ слышно, по дорогѣ: стучатъ дюже копыта, ровно будто по дереву, или по камню. Ну, заразъ подняли мы крикъ. Остановились они... Послѣзли съ коней и вытащили насъ изъ трясины на дорогу. А, потомъ, дай Богъ здоровья Василію Матвѣевичу, приказали четыремъ казакамъ довезти насъ до лагеря. Сѣли мы сзади ихъ, да такъ и доѣхали до пѣхоты... Ну, а оттеля добрались до васъ пѣшкомъ... Тутъ ужъ недалече было.

— Ну, спасибо-же тебѣ, дорогой мой старикъ,—сказалъ ласково графъ,—спасибо за то, что порадовалъ и успокоилъ меня; спасибо и за товарищей, что выручилъ ихъ.

Въ палатку вошелъ высокій молодой казакъ со связкой платья и сапогами.

— Вотъ, ваше сіятельство, полковникъ Ефремовъ прислали для Ивана Тарасьевича,—сказалъ онъ, кладя платье возлѣ старика.

Вслѣдъ за казакомъ въ палатку вошелъ и Иванъ Ефремовичъ.

— Ну вотъ тебѣ платье, голубчикъ Иванъ Тарасьевичъ, сказалъ онъ,—одѣвайся, да и того... иди въ лазарет-

ную палатку: сейчасъ тебя и товарищей того... осмотрятъ доктора. Ну слава Богу, продолжалъ онъ, кончилась гроза и дождь пересталъ... А то ужъ очень того... трудно было того... поддерживать костры...

— Какъ кончилась? воскликнулъ гусарскій генералъ.— Ударъ за ударомъ такъ и жаритъ!.. такъ и грохочетъ!.. А онъ говоритъ: кончилась...

— Это ужъ того... послѣдніе слабые удары, сказалъ полковникъ.—Сейчасъ небо того... совсѣмъ очистится... Туча быстро несется къ во4стоку...

Генералъ, покачавъ недовѣрчиво головой, вылѣзъ изъ палатки.

— А дѣйствительно, почти очистилось,—послышался его голосъ за палаткой.—Ахъ, какъ хорошо теперь! Какая живительная свѣжесть!.. Дышется легко, широко, привольно...

Старикъ Тарасовъ, разобравъ принесенное ему платье, конфузясь и кряхтя, началъ одѣваться.

— Ну, что скажешь Иванъ Ефремовичъ, насчетъ могилы?—спросилъ графъ.

— Копаютъ, ваше сіятельство, все время, не останавливаясь... И въ грозу копали... Большую вѣдь надо того... для тринадцати человѣкъ-то... Черезъ часъ, вѣрно, того... будетъ готова...

— Хотѣлось-бы похоронить какъ слѣдуетъ нашихъ героевъ, съ отданіемъ почести и по христіански,—сказалъ графъ,—да гдѣ тутъ теперь найдешь священника... Всѣхъ оставили въ обозахъ, при арміи... А отца Аѳанасія невозможно безпокоить: онъ утѣшаетъ и исповѣдуетъ умирающихъ...

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство,—сказалъ Ефремовъ,—есть и священникъ...

— Что ты говоришь, откуда-же ты его привезъ?

— Самъ пришелъ къ намъ съ дьячкомъ... И принесъ съ собой все, что необходимо для богослуженія.

— Откуда-же онъ?

— Забылъ я названіе этой деревни, откуда онъ бѣжалъ... Она тутъ недалеко отъ Добрейки... Французы разорили тамъ церковь и того... сожгли ее.

— Эко изверги!—воскликнулъ графъ.—Вотъ настоящіе варвары... А что кресты, присланные главнокомандующимъ, уже раздали?

— Сейчасъ только того... казаки порѣшили, ваше сіятельство... Присудили всѣмъ полкомъ: Маврину, Александрову и Болдыреву. Маврину и Александрову уже переданы кресты, а Болдыреву не надѣнете ли сами? Онъ въ лазаретѣ и еще объ этой радости не знаетъ. Вотъ его крестъ,—сказалъ Ефремовъ, вручая графу блестящій серебрянный знакъ военнаго ордена Святаго Георгія.

— Отлично,—сказалъ графъ. — Я навѣщу его сегодня же...

— А Ивана Тарасьевича и Ажогина вы, вѣроятно, ваше сіятельство, сами представите къ особой наградѣ?

— Да-да, конечно... Завтра-же буду просить графа Паленъ.

— Покорно благодарю, ваше сіятельство,—сказалъ старикъ Тарасовъ, просовывая ноги въ широченныя штаны.— Дай вамъ Богъ здоровья... Мнѣ то ничего и не нужно, пожалуй... А вотъ внукамъ моимъ будетъ оченно даже отрадно, если дѣду еще что пожалуетъ Батюшка-Царь... Да и старуха порадуется. Это точно...

— Похлопочу... похлопочу, старикъ... Будь покоенъ: получишь награду за всѣ твои подвиги отъ Нѣмана до Витебска... Порадуешь внуковъ и старуху...

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство!..

— Ну, а остальные кресты?—спросилъ графъ, обратившись опять къ Ефремову.

— Пять крестовъ передано Черноморцамъ, да еще по четыре креста досталось въ наши эскадроны.

— Кто-же получилъ?

— Юнкеръ Красноставовъ, унтеръ-офицеръ Филатовъ, унтеръ-офицеръ Долгушинъ... Потомъ казаки: Кипріяновъ, Перфиловъ, Лазаревъ, Поповъ, Сѣдовъ, Топилинъ, Неволдаевъ, Букинъ и Аленинъ.

— Вотъ этотъ разъ вполнѣ правильно раздали,—сказалъ графъ,—правильно... правильно. Все молодцы, давно заслужившіе награду.

При входѣ въ палатку показался высокій офицеръ, въ адъютантской формѣ, съ длинными, отлично выхоленными темными усами, продолжавшимися отъ щекъ.

— Кажется, адъютантъ Багратіона Князь Меньшиковъ,—сказалъ тихо Ефремовъ, обратившись къ Орлову-Денисову.

— Не тутъ-ли резиденція графа Василія Васильевича?—спросилъ звучнымъ пріятнымъ баритономъ вошедшій.

— А-ааа!—радостно привѣтствовалъ графъ гостя, обнимая его и троекратно цѣлуясь. — Кого я вижу! Князь, дорогой мой!.. Откуда? Какими судьбами? Вотъ не ожидалъ-то!.. Неужто, наконецъ, мы соединились съ княземъ Петромъ Ивановичемъ? Садитесь, садитесь, голубчикъ... Разсказывайте. Да не выпьете ли рюмку? Закусить, можетъ, не хотите-ли?

— Нѣтъ, благодарю, Василій Васильевичъ. Я только что весьма основательно подкрѣпился у графа Палена,—говорилъ Меньшиковъ, пожимая руки находившимся въ па-

латкѣ и съ удивленіемъ посматривая на одѣвавшагося старика Тарасова.

— Ну, если ничего не хотите, то разсказывайте: по какому случаю мы имѣемъ счастье и удовольствіе видѣть васъ... Соединились мы, что-ли?

— Нѣтъ, Василій Васильевичъ, мы еще не соединились,—отвѣтилъ Меньшиковъ, глубоко вздохнувъ и опускаясь на бурку.—Къ сожалѣнію Даву прежде насъ занялъ Могилевъ и потому покушеніе нашей арміи пробиться черезъ этотъ городъ было тщетно.

— Но вы-то какъ попали сюда?

— Я проскакалъ кружнымъ путемъ отъ Новаго-Быхова чрезъ Мстиславль, Смоленскъ, Порѣчье и Витебскъ... Этой же дорогой идетъ на Смоленскъ и Багратіонъ. Онъ долженъ былъ выступить изъ Новаго-Быхова 14-го числа. А Платовъ съ Дороховымъ *) двинулись 12-го изъ Воркolабова на Чаусы и Горми къ Дубровнѣ... Вотъ съ этимъ-то печальнымъ извѣстіемъ о нашей неудачѣ подъ Могилевымъ я и присланъ къ Барклаю.

— Такъ что арміи нашей, пожалуй, придется отступать къ Смоленску?

— Да, та уже и двинулась...

— Что вы говорите?

— Увѣряю васъ... Теперь нѣтъ смысла оставаться около Витебска, когда извѣстно, что Багратіонъ идетъ на Смоленскъ. Тутъ ваша армія рискуетъ быть разбитой. Надо спѣшить на соединеніе къ Смоленску...

— Значитъ, армія уже двинулась, — сказалъ груст-

---

*) Отрядъ Дорохова состоялъ изъ 1-го Егерскаго полка и Изюмскаго гусарскаго.

нымъ голосомъ Орловъ-Денисовъ,—а мы оставлены тутъ на вѣрную гибель....

— Двинулась, другъ мой... двинулась... Второй и четвертый корпуса пошли по Суражской дорогѣ, 3-й пѣхотный и 2-й кавалерійскій по Порѣченской, а 5-ый и 6-й пѣхотные съ 3-мъ кавалерійскимъ—прямой дорогой на Рудню... Надо полагать, что числа 21 или 22-го арміи соединятся у Смоленска...

— Дай-то Богъ,—сказалъ графъ, сидѣвшій въ глубокой задумчивости и теребившій свои курчавые волосы.— Дай-то Господи... Только я сильно сомнѣваюсь...

— Почему?

— Да, потому, другъ мой, что мы имѣемъ дѣло не съ ослами какими нибудь, а съ самимъ Наполеономъ и такимъ дѣльнымъ маршаломъ, какъ Даву... Они не допустятъ насъ соединиться у Смоленска... Это было-бы слишкомъ грубой ошибкой съ ихъ стороны... Я увѣренъ, что Даву давно предупредилъ Багратіона въ Мстиславлѣ.

— А я совершенно противнаго мнѣнія...

— На чемъ же основано это мнѣніе, позвольте васъ спросить?

— А на томъ, что уже 13-го числа Платовъ такъ наводнилъ своими казаками всѣ окрестности Могилева, что Даву не могъ имѣть никакихъ свѣдѣній о направленіи главныхъ силъ Багратіона. Разъѣзды Платова, кружась на всѣхъ тропинкахъ, словно пчелиные рои, охватили все пространство между Могилевымъ и Оршею и повсюду истребляли появлявшіяся непріятельскія команды. А во вторыхъ надо принять въ соображеніе еще и то, что войска Даву страшно утомлены и крайне нуждаются въ отдыхѣ. Отъ плѣнныхъ мы узнали, что вмѣсто ста тысячь, Даву

могъ собрать у Днѣпра не болѣе семидесяти, изъ коихъ въ Могилевѣ у него менѣе тридцати... Быстрый походъ отъ Нѣмана по краю, скудному и опустошенному самими жителями, далъ весьма благопріятные для насъ результаты.. Во всѣхъ частяхъ, подчиненныхъ Даву, масса отсталыхъ... Вездѣ появились мародеры и бродяги... Вообще, положеніе французовъ неприглядное: убыль въ лошадяхъ огромная, перевязочныхъ средствъ мало, питаются солдаты отвратительно... Говорятъ, что большинство поѣдаетъ дохлыхъ лошадей... Кавалерія у нихъ теперь ни къ черту не годится и убавилась на половину...

— Вы, другъ мой, меня очень порадовали и ободрили,— проговорилъ графъ, просіявъ.—Дай Господи, чтобы скорѣй совершилось соединеніе нашихъ армій...

— Мы тоже,—вмѣшался командиръ Сумскаго полка— имѣемъ отъ плѣнныхъ подобныя же свѣдѣнія о состояніи главной арміи Наполеона... Отъ тѣхъ-же причинъ, вѣроятно, она уменьшилась на цѣлую треть. Если Богъ поможетъ намъ соединиться подъ Смоленскомъ, то у насъ будетъ около 120,000, а у Наполеона, надо полагать, соберется не болѣе ста пятидесяти... По всей вѣроятности, у Смоленска Барклай дастъ сраженіе—какъ думаете, Иванъ Ефремовичъ—а?

— Я увѣренъ—отвѣтилъ Ефремовъ,—что мы того... вздуемъ французовъ... Это ничего не значитъ, что ихъ того... немного больше... Важно, что наши войска ждутъ не дождутся, чтобы того... чтобы отомстить французамъ за разореніе родины... Солдаты и офицеры ропщутъ, что все отступаемъ...

— Дай-то, Господи, скорѣе побить супостата!— сказалъ одѣвшійся въ это время Тарасовъ, набожно крестясь.

— А, ты уже готовъ?—обратился ласково къ старику графъ.—Ну, что, все хорошо пришлось?

— Оченно даже хорошо, ваше сіятельство... Точно на меня и шито... И сапоги важные... Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

— Ну теперь ты иди-же, дружокъ, въ лазаретъ... Пусть тебя осмотрятъ доктора... Скажи тамъ, что я прошу немедленно перевязать твои раны.

— Какія это раны, ваше сіятельство? Самые пустяки!..

— Хороши пустяки... Иди... иди сейчасъ-же въ лазаретъ... Слышишь? А то, смотри, огорчишь и разсердишь меня, если не покажешь докторамъ свои раны...

— Покажу, ваше сіятельство... сейчасъ покажу... Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство,—сказалъ Тарасовъ, отступавшій задомъ изъ палатки.

— Кто этотъ симпатичный старикъ? спросилъ Меньшиковъ, когда затихли шаги Тарасова.

— О, это замѣчательная личность,—сказалъ графъ.—Чудный человѣкъ: честный, набожный, смѣтливый, въ бояхъ хладнокровный...

— Но почему онъ тутъ одѣвался? Вотъ что меня удивило...

— Да онъ только что вырвался отъ французовъ.. Прибѣжалъ къ намъ въ одной рубашкѣ...

— Въ плѣну былъ?

— Ну, да... Попался сегодня, когда часть казаковъ 1-го эскадрона взяла батарею, у которой стоялъ самъ Наполеонъ... Онъ бросился выручать товарищей, которыхъ вязали французы... А въ этотъ моментъ ворвалась пѣхота Брусье... Налетѣли сзади на старика, ошеломили его

прикладомъ по головѣ и связали. Это такой, я вамъ скажу, молодецъ, какихъ мало и у насъ на «Тихомъ Дону».

— Да, вообще, ваши донцы молодчики,—сказалъ князь. —Чудное войско!.. Что они дѣлали у Багратіона!.. Невѣроятныя... прямо таки невозможныя вещи... Вѣдь, между нами сказать, Багратіонъ весьма обязанъ казакамъ Матвѣя Ивановича Платова и Николая Васильевича Иловайскаго... Безъ нихъ ему, пожалуй, и не удалось бы дойти до Бобруйска... Цѣлый мѣсяцъ они оберегали на всемъ пути отъ Нѣмана до Днѣпра фланги и тылъ 2-й арміи.

Въ палатку порывисто вошелъ высокій стройный черноволосый корнетъ, на красивомъ открытомъ лицѣ котораго было выраженіе грусти и испуга. Онъ дрожалъ словно въ лихорадкѣ и не могъ выговорить ни слова.

— Что-ты, Ваня?—тревожно спросилъ его графъ.—Да что съ тобой, Орловъ? Что такое? На тебѣ лица нѣтъ... Да говори-же!...

— Ва... ва... ва... ваше... сіятельство...

— Ну-ну!.. Ну что-же?..

— Сейчасъ, кажется... доктора... приступятъ къ ампутаціи... хотятъ Венедикту руку отнять...

Страшно поблѣднѣвшій, графъ вскочилъ на ноги.

— Да что-ты говоришь?—воскликнулъ онъ.—Какъ-же такъ?

— Такъ точно, ваше сіятельство... Чуть ли уже и не приступили... Слышите? Слышите—крикъ? Это голосъ бѣднаго Конькова,—проговорилъ Орловъ и крупныя слезы полились изъ его чудныхъ добрыхъ глазъ.

Дѣйствительно въ это время до слуха находившихся въ палаткѣ долетѣлъ страшный, жалостный, душу потрясающій крикъ и стонъ, прерываемый рыданіями.

— Боже мой!—воскликнулъ Орловъ-Денисовъ.—Да что же это? Неужто ампутація? Это дѣйствительно его голосъ! Ну, и денекъ-же выдался сегодня... Пойдемте скорѣй, друзья мои...

Онъ и всѣ его гости бросились вонъ изъ палатки.

Было около трехъ часовъ ночи. Тучи еще не совсѣмъ очистили небо. Вѣтеръ почти утихъ. На громадномъ пространствѣ, широко занятомъ частями второй линіи аррьергарда, вездѣ ярко пылали огромные костры.

Около палатки графа стоялъ ординарецъ-казакъ, державшій въ поводу осѣдланнаго командирскаго вороного жеребца. Онъ пристально смотрѣлъ въ непріятельскую сторону, гдѣ раздавалась рѣдкая перестрѣлка.

Въ это время лазаретныя палатки были уже убраны, раненые уложены въ телѣги съ кожаными верхами и часть обоза медленно и мѣрно потянулась къ Витебску.

Около телѣгъ возились доктора и санитары.

— А гдѣ-же, Яновъ, наши раненые? — спросилъ Орловъ-Денисовъ, быстро подойдя къ ординарцу.

— Ихъ, ваше сіятельство, корнетъ Балабинъ уложили и отправили упередъ съ десятью казаками. Оченно хорошо ихъ устроили... Настелили пуховиковъ да подушекъ.

— А куда-же подѣвали всѣхъ скончавшихся въ лазаретѣ?

— Ихъ только что доразу стащили въ яму... Вотъ тутъ недалече отъ рощи... Свалили да и присыпали малость землей... Много померло за ночь-то... Больше ста душъ... Отецъ Афанасій еле поспѣвалъ читать отходныя...

— Что это такое?—сказалъ графъ.—Видишь?

— Это, ваше сіятельство, должно несутъ оттеля раненыхъ. Затихать стала стрѣльба... Должно кончается битва... Вотъ, теперя, значитъ, подбираютъ раненыхъ и несутъ сюда...

Казакъ не ошибся. Чрезъ минуту мимо графа потянулась съ непріятельской стороны вереница носилокъ. Санитары останавливались около лазаретнаго обоза, снимали свою ношу и укладывали страдальцевъ на землю рядкомъ, лицомъ къ небу. Большинство изъ принесенныхъ оказались мертвыми. Ихъ немедленно тѣ-же санитары понесли, по указанію старшаго врача, къ рощѣ, чтобы свалить въ общую братскую могилу. Только десяти человѣкамъ была сдѣлана перевязка, а затѣмъ они были уложены на свободныя подводы.

Чрезъ полчаса на мѣстѣ, гдѣ стояла бивакомъ вторая линія аррьергарда, остались только догоравшіе костры; да подъ однимъ изъ кустовъ спалъ сильно подкутившій курносый рябой пѣхотинецъ *). Сонъ былъ очень тревоженъ: онъ пристанывалъ, вертѣлся съ боку на бокъ и по временамъ хриплымъ голосомъ затягивалъ разудалую маршевую пѣсню: Ой! хмѣль, мой хмѣлекъ, гдѣ-жъ ты зимовалъ? Жалуются всѣ дивчины, много шкоды робишь!..

Весь оттрядъ графа Палена двигался къ Витебску. Противъ непріятеля оставались одни лейбъ-казаки. Растянувшись длинной цѣпью, они перестрѣливались съ наступавшими кавалерійскими частями и медленно отходили вслѣдъ за отрядомъ. На зарѣ они подошли къ Витебску, уничтожили на Двинѣ мостъ и двинулись по Суражской дорогѣ. Авангардъ Мюрата пустился за ними въ погоню.

20 іюля главныя силы 1-й арміи соединились при Смоленскѣ и стали лагеремъ на правомъ берегу Днѣпра

---

*) Приведенный къ Наполеону, онъ ничего не могъ сказать, куда пошла армія, къ Петербургу или къ Москвѣ.

на дорогахъ, ведущихъ въ Порѣчье и Рудню. Аррьергардъ графа Палена, усиленный Кавалерійскимъ корпусомъ Корфа, расположился близь Порѣчья; аррьергардъ генералъ-маіора Шевича—у Рудни.

Армія Багратіона пришла въ Смоленскъ 22 іюля.

Наполеонъ, уже не надѣясь разобщить наши арміи, рѣшился прекратить преслѣдованіе и дать отдыхъ своимъ войскамъ, истомленнымъ недостаткомъ въ провіантѣ и фуражѣ, чтобы присоединить къ нимъ отсталыхъ и собрать необходимые запасы.

Издаваемый съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

ЖУРНАЛЪ

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ

имѣетъ цѣлью содѣйствовать **умственному и нравственному развитію и самообразованію солдатъ.**

Журналъ „**Чтеніе для Солдатъ**“ **рекомендованъ** войскамъ бывшимъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ и помѣщенъ въ „Систематическомъ Каталогѣ“, объявленномъ при циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 11-го сентября 1879 года, за № 343; **рекомендованъ** Главнымъ Морскимъ Штабомъ для судовыхъ и береговыхъ библіотекъ; **допущенъ** къ обращенію въ народныхъ читальняхъ и въ библіотекахъ церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна за годовое изданіе журнала„ **Чтеніе для Солдатъ**“, съ *безплатными* приложеніями, съ перес.—**четыре** рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Кузнечный пер., домъ № 13.

Дозв. ценз. Спб., 23 Октября 1900 г. Тип. П. П. Сойкина, Стремянная, 12.